

³² См.: Shrimad Bhagavata Mahapurana//Kalyana Kalpataru. Delhi. Rug. 1952 — Febr. 1960 (в др. изданиях этого памятника).

³³ См.: Гусева Н. П. Индуизм... С. 190—193.

³⁴ Krishna K. Picchwais — Temple Hangings of the Vallabhaite Sect. Ahmedabad (s. d.).

³⁵ См.: Искусство Индии. М., 1958. С. 32.

³⁶ Mehta R. N. A Set of Decorative Textiles of Pushtimargiya Vaishnavas in the Baroda Museum//Bulletin of Baroda Museum and Picture Gallery. Baroda. V. XIV. P. 20.

³⁷ Skelton R. Rajasthani Temple Hangings... P. 85—97.

³⁸ Beck B. E. F. Colour and Heat in South Indian Ritual//Man. L., 1969. V. IV. № 4.

³⁹ Maduro R. Op. cit. P. 229.

⁴⁰ См.: Гусева Н. П. Отражение этнической специфики в жизни некоторых каст Индии//Расы и народы. М., 1976.

⁴¹ Kramrish S. Traditions of the Indian Craftsman//Traditional Indian Structure and Change. Philadelphia, 1959. P. 18.

Gods and the folk art pictures in India

The article concerns the reflection of traditional religious beliefs of the India's peoples in their folk art. The author describes zoomorphic and anthropomorphic cult personages and various magic symbols. Such pictures are still presented on the walls of dwellings and temples, on cloth, handicrafts, etc.

N. R. Guseva

© 1996 г., ЭО, № 3

Н. С. Попов

НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫЧЕСКОМ МОЛЕНИИ

Ясным осенним утром 29 сентября 1995 г. в священной роще возле д. Купран-Сола Сернурского района Республики Марий Эл собрались марийцы для жертвоприношения. Привязав к дереву необъезженного жеребца, один из участников обряда облил его с головы до основания хвоста холодной водой. Настороженно следившая за действиями собравшихся жертва никак не среагировала на стекающие струйки воды. Тогда люди снова вылили ковш воды, потом еще раз. Наконец, конь встрепенулся всем телом. Теперь предстояло повалить его. Однако молодые люди не знали, как это делается. Женщины и некоторые знающие люди подсказали, как необходимо стреножить жеребца. Повалить коня удалось лишь с третьей попытки. Сердобольная женщина, глядя на мучения животного, прошептала: «Эх, разве так годится, душа (орт) коня уйдет ведь».

* * *

Принятие Закона Российской Федерации «О свободе вероисповеданий» 25 октября 1990 г. позволило марийцам получить официальное разрешение на проведение коллективных жертвоприношений в священных рощах, а также создать религиозное объединение «Ошмарий-Чимарий» (букв. «Белые мари» — истинные, непогрешимо соблюдающие веру предков), тем самым юридически закрепить равноправный статус древнемарийских верований. В спокойной обстановке, без страха перед наказанием властей начали проводиться общедеревенские, жителями нескольких деревень (в прошлом они составляли религиозные объединения

«тиште» и «мэр») — мирские и так называемые «всемирные» моления (*туня кумалтыш*) — от имени всего марийского народа. В северо-восточных районах Республики Марий Эл за последние годы состоялось три таких крупных моления. Последнее из них было проведено возле д. Купран-Сола (Куприяново).

Инициаторами жертвоприношения выступили активисты Сернурской районной организации демократического общественного объединения «Марий Ушем». Михаил Егорович Шляев, 52 лет, руководитель этой организации, считает, что возрождение национальной культуры, повышение сознательности, творческой активности людей немислимо без приобщения к народным святыням. Большой любитель этнографии (им собрана богатая коллекция народных костюмов марийцев), краевед, романтик по натуре, М. Шляев убедил участников «Марий Ушема» в необходимости вовлечения руководителей моления (марийцы их называют *карт* или *онаен*) в общественные мероприятия, проводимые районной организацией. В процессе совместной работы зародилась мысль об организации жертвоприношения в древнемарийском святилище, известном со времен А. Олехария — Чембулатовой горе. В 1993 г. там состоялось моление с участием жителей Сернурского района и представителей марийской интеллигенции. Тогда же было решено организовать моление в Купрансолинской роще.

Эта роща, как и Чембулатова гора, тесно связана с историей народа, его духовными поисками и чаяниями. Здесь 3 декабря 1828 г. состоялось грандиозное по тем временам моление, в честь 99 богов, с жертвоприношением каждому по одной лошади, корове или бычку, овечке или барану, утке и гусю. На молении присутствовало более 3 тыс. марийцев Вятской, Казанской, Уфимской губерний.

Поводом для организации жертвоприношения послужили сообщения известных в крае сновидцев из разных деревень: Ивана Токметова (христианское имя Федот Алексеев), 60 лет; Семена Васильева (марийское имя Пидала), 38 лет и Василия Евсеева, 25 лет, о явлении им во сне, примерно после первого Спаса, «знатного человека в виде судьи (*тора*)», «марийца в белой одежде», которые предложили провести моление Богу¹. Житель д. Ширгыял Иван Григорьев, 80 лет, в это же время обнаружил в священной роще ранее неизвестный ключ, что было воспринято верующими как «особая милость Бога»². На совете старейшин и выборных, собранных по инициативе И. Токметова в д. Ноли Кукмари, было принято решение провести моление «после праздника Покрова по истечении двух месяцев, по рождении третьего».

О причинах организации такого крупного моления нам остается только догадываться. Очевидно лишь то, что верующие хотели восстановить древнемарийский обряд в первоизданном виде. Для этого они ввели в число 99 богов образ нового, ранее не упоминаемого бога «Тюмень Тюль о сер Юмо» — Великого Древнего Бога, «которому по сотворении мира первые только люди молились и коему во все времена моление народом проводимо не было»³. Макар Борисов (марийское имя Емелька), житель д. Малого Чашкаяла, 45 лет, назначенный картом — предстоятелем перед священным деревом *онану* в честь этого Бога и читавший молитву ему от имени марийского народа, во время следствия показал, что Богу были пожертвованы лошадь, бычок, баран, гусь и две утки. Кроме того в честь каждого желающего читались молитвы с произнесением его имени, за что получалось «от них пожертвование деньгами, холстом, хлебом, печениями». Добровольно было внесено Древнему Богу 350 руб. (для сравнения отметим, что остальным богам было пожертвовано только от 1 до 4 руб.)⁴.

Многолюдное сборище крещеных и некрещеных марийцев вызвало переполох у местной администрации. Земский исправник, представляя себя, как и все чиновники того времени, «немножко Помазанником Божиим», срочно призвал земский суд, заседателей, стряпчих, потребовал из г. Уржума военную команду в количестве 16 солдат, собрал из соседних волостей «приличное число русских в поняты» и приступил к следствию.

Из скурых сообщений в Вятскую духовную консисторию и Святейший Синод видно, что в ходе следствия марийцы держали себя достойно, ничуть не скрывая

своих убеждений. Уверенные в том, что моление проводилось из благих побуждений ради достижения мира и согласия в народе, крестьяне считали свои действия не противоречащими интересам сохранения государства, укрепления небесного достоинства царя. Они говорили: «Мы по старой своей вере молились небесному Богу за здоровье государя, за войско, о победе врага, о помощи Его во всех других делах своих — охранении домашнего скота и птиц, о урожае хлеба, о благополучии семейств своих»⁵. Марийцы очевидно были знакомы с правилами веротерпимости, старались доказывать, что «старую веру держать позволено и никто сего не может воспретить»⁶.

Николай I, ознакомившись с докладной обер-прокурора Синода, 31 декабря 1828 г. «изъявил Высочайшую волю, чтобы людям сим из снисхождения к их простоте, никаких притеснений не было чинимо и чтоб с ними поступаемо было с крайнею осторожностью». Кроме того он указал обер-прокурору, чтобы тот обязал местное духовное начальство «строжайше наблюдать за исполнением сей воли»⁷.

Однако это не означало, что марийцев оставили в покое. В марте 1829 г. марийские ясновидцы были увезены в Санкт-Петербург «для отобрания от них через доверенных чиновников допросов, по какой причине старались они обманывать народ и лет ли в том других каких-либо расчетов»⁸. Между тем Комиссия по разбору происшедшего моления в Вятской губернии вынесла решение, что основной причиной его проведения явилось «наследственная черемис закоснелость, переходящая от отцов к детям, ибо из показаний видно, что отцы строго заповедывали, дабы они и находясь в христианстве, прежним богам отправляли моление и приносили жертвы»⁹.

Привезенные в столицу крестьяне рассказали, что верят они тому же Богу, что и христиане, иногда посещают церковь, даже приглашают священников домой, однако они имеют «свою веру». Особых идолов у них нет, так же как и жрецов и учителей. Во время молений старые люди, знающие молитву, как написано в документе, читали «грудную молитву». Ясновидцы попытались убедить чиновников, что «язычество не вовлекает их в убытки и расходы», в то время как местное духовенство «собирает с них хлеб зерном, хлеб печеный, крупу, яйца, масло, хмель, шерсть, конопляное семя, коноплю, холст и 50 копеек с головы „грешной деньги“ (очевидно, имеется в виду за отпущение грехов.— Н. П.) вместо исповеди, 1,5 копны сена. Хлеб берут в зерне, ржи от 1,5 пуда до 4-х пудов и овса столько же. За свадьбу от 8 до 25 рублей, за похороны от 10 до 40 рублей, смотря по состоянию»¹⁰. Василий Евсеев и Федот Алексеев рассказали о нерадивости священника с. Сернур, о грубом обращении с прихожанами, несвоевременном отпевании умерших и т. д.

Для просвещения новокрещенных, утверждения их в истинах православия к марийцам из московской Богоявленской церкви (что в Елохове) был направлен священник А. Е. Покровский. Митрополит Московский Филарет поставил перед ним задачу убедить марийцев оставить их языческие заблуждения, вселить в них уверенность в то, что царь заинтересован в распространении православия в крае.

Добиться этого не удалось не только А. Е. Покровскому, но и местным миссионерам, в том числе из самих марийцев. Сергей Громов, инородческий миссионер второго округа Уржумского уезда, родом горный мариец, 25 июля 1903 г. в мольбище д. Купран-Сола пытался остановить моление при 13 кострах. 300 чел. собравшихся принесли в жертву 6 жеребят, 3 телят, 5 овец, 8 гусей, столько же уток. На увещевания миссионера богатые марийцы заявили, что «они от церкви не отказываются, ходят изредка в храм божий, Святых Таин причащаются, но совсем оставить прежние обычаи дедовской веры они боятся и не могут, так как они неграмотные и не научены еще молиться по-христиански. Если царь прикажет крещеным марийцам оставить языческое в рощах моление и начальники приклеят к столбам при каждой черемисской деревне объявление об этом, то они согласны оставить языческое моление»¹¹. Из сообщения другого марийского священника Тимофея Семенова видно, что марийцы пытались «утверждать будто бы

Государь давно выслал им деньги для обнесения Купрансолинского мольбища каменною стеною, но будто де православное начальство не выдает им этих денег, а коня, присланного также Государем, передало де Сернурской больнице»¹².

К концу XIX в. Купрансолинская роща хотя и называлась «черемисским Иерусалимом»¹³, однако древнемарийская вера вынуждена была постепенно уступать свои позиции. В 1874 г. местный мариец Абрам Алексеевич Богданов по настоянию священника Павла Тронина открыл в своем доме школу грамоты, затратив на это более 500 руб. своих денег. Дети обучались не только грамоте, но и христианской молитве, стали ходить в церковь. Крестьяне, собравшись на сходку, потребовали от учителя закрыть школу. Разгневанные родители хотели убить непокорного наставника, дом его сжечь. А. Богданов сумел спастись от мести, а его родной брат Никита, спасая его, получил серьезные телесные повреждения и через некоторое время умер от полученных побоев¹⁴. Между тем влияние школы на детей и их родителей все более усиливалось. В 1882 г. три ученика школы совершили паломничество в Соловецкий монастырь¹⁵. В 1901 г. в д. Купран-Сола была построена деревянная Стефановская церковь¹⁶.

В начале XX в. просветительская деятельность духовенства края только разворачивалась. Соотношение сил все еще было не в пользу церковнослужителей. 55 церквам, действующим в Уржумском уезде, противостояли сотни священных рощ, в которых ежегодно проводились моления под руководством опытных стариков. Однако полторастолетняя деятельность мирной христианизации мариюцев начинала давать свои плоды.

В первые годы советской власти приверженцы дохристианских культов получили определенную свободу для реализации своих религиозных потребностей. Объявив себя защитниками интересов народа, невинно притесненными церковнослужителями, они сумели значительно усилить свои позиции. Этому благоприятствовала также борьба большевиков против православной церкви и ее служителей. Возобновились массовые многотысячные моления с торжественными шествиями вокруг рощи. Моления сопровождалась игрой гуслей.

Вскоре однако крестьяне убедились, что советская власть так же, как и царское правительство, мало заботится о соблюдении прав верующих. Консервативные взгляды руководителей молений, их антисоветские настроения, противостояние политике коллективизации не могли остаться незамеченными. В 1920—30-е годы большинство организаторов молений было объявлено врагами народа и репрессировано. Стали запрещаться и моления в рощах.

Некоторая свобода проведения молений была предоставлена лишь в годы Великой Отечественной войны. Представители власти пытались использовать моления для сбора средств в помощь фронту. Марийцы не видели в этом ничего плохого: ведь сбор средств, так же как и моления, были направлены на достижение победы, мира и покоя на земле. Последнее крупное жертвоприношение в Купрансолинской роще состоялось в 1957 г. В последующие годы моления проводились скрытно и, как правило, только жителями одной деревни.

Вспоминая обо всем этом перед отправкой в пос. Сернур для участия в предстоящем жертвоприношении, я невольно пытался найти ответ на волновавший многих исследователей вопрос: что заставляло мариюцев так упорно сохранять обычай жертвоприношения? Бесспорно, что корни жертвоприношений тесно связаны с разными сторонами общественной жизни людей¹⁷. Духовенство обвиняло лжепрорицателей, ясновидцев, картов, обманывающих народ; подчеркивало его невежественность, упрямство, грубость, лукавство; считало, что мариюцы остаются «младенцами в вере». Сами мариюцы в 1829 г. писали, что «без приношения по упомянутому обряду жертв терпят тяжкие телесные болезни, более слепоту и дряхлость». Им казалось, что сама идея отказа от жертвоприношений может вызвать у Бога «презрение» к мариюцам. Все религии, по их мнению, определены самим Господом «народу скрытно к чему и для чего сотворил он в 77 языках веры»¹⁸. Ответ на этот вопрос люди получают только после второго пришествия Иисуса Христа. Тогда же Бог будет «требовать от всякого свои отчеты».

Несколько иной оттенок в доказательствах марийцев мы слышим 70 лет спустя: «У бога 77 вер, почему наша вера и только ныне стала не хороша? Если нам, черемисам, перейти в русскую веру, то не пройдет и двух годов — все помрем. Что вы нашу веру хулите. Мы в церковь ходим, причащаемся и в лес ходим — который-нибудь бог услышит наши молитвы». Далее мариец с некоторой обидой продолжал: «Хоть поступай в русскую веру, хоть будь в черемисской вере, все зовут лопарями»¹⁹. В этих словах современники заметили потаенное чувство обиды марийцев за «презрительное отношение к ним со стороны русских»²⁰, другие же видели в этом проявление возросшего самосознания народа, его беспокойство за свою судьбу²¹.

Приведенные высказывания марийцев свидетельствуют о том, что причинами сохранения жертвоприношений являлись не столько невежество, грубость, обман религиозных авторитетов (несомненно, эти факторы оказывали свое воздействие), не «национальный сепаратизм», сколько глубокая вера марийского народа в божественную предначертанность жертвоприношений, неразрывная слитность обычая с духовными запросами, повседневными заботами и нуждами людей. Жертвоприношения воспринимались марийцами как естественная, обязательная и самоочевидная форма религиозного воздействия на мир, общественные отношения. В отличие от христианской литургии, марийские моления, насыщенные национальным колоритом, возбуждали в людях чувства единения и сплоченности во имя исполнения священного долга, чувства верности заветам предков, формируя тем самым представление о единстве народа.

* * *

В пос. Сернур я прибыл накануне моления, вечером. Зная гостеприимство М. Е. Шилева, учитывая его активное участие в подготовке моления, решил направиться на ночлег именно в его дом. К моему удивлению, я застал у него еще трех гостей: одного из руководителей предстоящего моления, известного онаена (так ныне принято называть человека, читающего молитву во время жертвоприношения) из д. Танак-Сола Новоторьяльского района Александра Ивановича Таныгина; одного из активистов религиозного объединения «Ошмарий-Чимарий» Аркадия Николаевича Данилова и активного участника «Марий Ушем», старшего методиста методического центра при Краснокамском Доме народного творчества Свердловской области Бориса Александровича Александрова.

Хозяин дома тут же предложил мне сходить в баню. По традиции, каждый участник моления должен накануне вечером «очиститься в бане», надеть чистое белье. Я охотно согласился. Баня имела свою примечательность. Косяки и порог предбанника были устроены из дверной коробки некогда разрушенного здания бывшего Сернурского педтехникума. «По этому порогу ходили Сергей Чавайн, Шабдар Осып (первые марийские писатели.— Н. П.), другие знаменитости, все наши первые учителя», — многозначительно сказал хозяин, проведя меня внутрь бани.

За ужином хозяева дома предложили гостям водку. «Перед молением, вроде, не положено пить», — попытался возразить я и посмотрел на Александра Ивановича, ожидая подтверждения своих слов. Однако он не стал категорически утврждать это. «Я буду молиться Мэр Юмо (Бог, покровительствующий религиозному объединению „мэр“; сейчас Мэр Юмо воспринимается как защитник людей в мирских делах, покровитель странствующих, военнослужащих, учащихся и студентов.— Н. П.). Мне позволительно немного выпить. Нельзя пить тем, кто будет молиться Шочын Ава Юмо (Богиня Рождения.— Н. П.), Тун Туня Юмо (Главный Всемирный Бог, иногда под именем этого бога понимают покровителя всего мироздания.— Н. П.). Они не допускают никакой выпивки». Далее Таныгин рассказал, как целый день пытался сдать картофель односельчан на картофельный завод (Александр Иванович работает в системе

социальной защиты пенсионеров своего сельсовета), каких трудов стоило доехать до пос. Сернур. Ему, как онаену, положено было быть сейчас в д. Шинур, откуда утром после прочтения молитвы следовало вести жертвуемого Мэр Юмо быка в рощу. Но повседневные дела помешали осуществить это.

Беседа за столом периодически прерывалась телефонными звонками. После выступления Михаила Егоровича по республиканскому телевидению с приглашением принять участие на молении вот уже второй день сельчане постоянно звонили ему, спрашивали советов.

После ужина мы перешли в отапливаемый чулан, довольно просторную комнату — домашний музей Шиляева, где хранились национальные костюмы, бытовая утварь. Все это им было собрано в районе за время работы в отделе по экологическому надзору. Некоторые старинные вещи, в том числе культовые деревянные чаши диаметром около 1 м он собирался везти на мольбище и показать людям.

Знакомство с коллекцией невольно натолкнуло нас на разговор о проблемах возрождения древнемарийских верований. Для нас было очевидно, что жертвоприношения могут сохраниться, если будут значительно приближены к повседневным проблемам людей, усилены в догматическом плане. Или же, наоборот, потеряв свою религиозную основу, они могут постепенно превратиться в развлекательное мероприятие, а в дальнейшем исчезнуть совсем. Мои собеседники естественно были настроены на то, чтобы усилить идеологическое воздействие жертвоприношений, придать им более действенный характер. При этом каждый из нас перспективы развития видел по-своему. Мне казалось, что руководителям молений следует позаботиться о преодолении существующих особенностей в культовой практике марийцев, выработать единые каноны жертвоприношений. Это мнение поддержал и Б. А. Александров, указав на особенности молений мари, проживающих в Свердловской области. Мои собеседники были удивлены тем, что у них моления проходят без свечей. «Свечи мы зажигаем только в честь умерших», — объяснил Александров.

А. И. Таныгин поддержал идею создания единой основы молений для всех марийцев, включая приверженцев так называемой «русской веры». Они в основном посещают только церковь и часовни, во время жертвоприношений молятся только «высшим» небесным богам, не признают культа племенного бога Кугурак (Старейшина), не молятся духам жилища, кереметам. А. И. Данилов с жаром стал объяснять, что ни в коем случае не следует ориентироваться на приверженцев православной веры. «Наше объединение „Ошмарий-Чимарий“ никогда не согласится с этим. Мы должны добиваться, чтобы все перешли в чимарийскую веру», — заявил он. Мои собеседники стали объяснять, что нельзя никого принуждать в отношении принятия той или иной веры, здесь каждый человек должен сам определять, что ему нужно. Однако это замечание лишь подогрело Данилова. «А разве православная церковь так поступает? вспомните, как заставляли креститься марийцев в XVIII в. Яранские марийцы мне говорили, что попы насильно уводили людей креститься, парня и девушку живьем закопали в фундамент строящейся церкви. Неужели мы должны все это забыть? Смотрите, что делают сейчас священники. Марисолинский поп запрещает марийцам молиться в роще. А к чему привели результаты перехода в «русскую веру»? Ведь переходя в православие, марийцы совсем иначе смотрят на свою культуру, даже перестают говорить по-марийски. Разве православная церковь заинтересована в сохранении марийской культуры, марийского народа?», — повторив несколько раз этот вопрос, А. Н. Данилов вновь подчеркнул необходимость широкой пропаганды чимарийской веры. А. И. Таныгин возразил, что он беседовал со священником Иваном (епископом Марийской епархии), который, выслушав его рассказ о том, как молятся марийцы, как они понимают Бога, целиком согласился с ним и сказал, что своими молитвами они делают доброе дело. «Объявляя главной чимарийскую веру, мы не должны забывать и про тех, кто молится христианским святым. Мы не должны оттолкнуть их от себя. Я даже молюсь за русских, за всех, кто хочет

мирной жизни — ведь и они люди. Наше поколение, пока еще живо, будет верным народной традиции, а дальше что будет — это уже ваше дело», — с некоторым упреком заметил онаев.

Наступила неловкая пауза. Чтобы нарушить ее, я решил уяснить вопрос об иерархии марийских богов, заострив внимание присутствующих на существующих разногласиях в этом вопросе. Данилов считал, что надо разъяснить людям, сколько богов у марийцев, чем отличается (если отличается) марийский Бог от христианского, кто таков Тун Кугу Юмо (Главный Великий Бог). Александр Иванович рассказал, что Бог один, однако он проявляется через природные силы, поэтому говорят о многих богах. Главным марийским богом, по его мнению, является Тун Ош Кугу Юмо (Главный Светлый Великий Бог). Он имеет девять своих проявлений (ипостасей): Туня Юмо (Бог Вселенной), Кугу Серлагыш (Великий Спаситель), Илян Юмо (Бог, Подающий Жизнь), Мэр Кугу Юмо (Великий Бог Мира), Пуршо (Предопределитель, Создатель), Кугу Шочын Ава (Великая Богиня Рождения), Мланде Ава (Богиня Земли), Кугу Перке Ава (Великая Богиня Неистощимости) и Ана Варем (это имя традиционно переводилось как «праздник пашни», но Таныгин считает его божеством, которое объединяет, буквально «связывает, перемешивает» воедино все эти проявления Бога и создает единую божественную «ниву» — основу всей жизни). Каждое проявление Главного Светлого Великого Бога, в свою очередь, раскрывается через посредство девяти божеств. Так, например, влияние Туня Юмо люди осознают благодаря воздействию божеств неба (Кава Юмо), солнца (Кече Ава — Мать солнца), луны (Тылзе Ава — Мать луны), а также звезд, ветра, облаков, воды, грозы и молнии. Или, к примеру, Илян Юмо проявляется в девяти рождающих началах: света, земли, человека, скота, пчел, дерева, хлеба, плодов и денег. Кроме этих относящихся к высшему разряду богов, имеются еще два более низших разряда, каждый из которых включает по девять богов. Христианские святые, по мнению А. И. Таныгина, являются менее значительными божествами. Их он относит к числу божеств второго разряда. Множество богов, по мнению онаева, появилось из-за забывчивости людей, потери первоначальной связи человека с Богом. Главной причиной разрыва между человеком и Богом, как считает А. И. Таныгин, явилось кровопролитие людей. «Народы, истребляющие другие народы, потеряли доверие и близость к Богу. Для общения этих народов с Богом был послан посредник — Иисус Христос. Марийцы жили мирно, ни с кем не воевали, поэтому они сохранили непосредственную связь с Богом», — уверено завершил свой рассказ Александр Иванович.

Обсудив вопросы, возникшие в связи с предложенной оригинальной классификацией богов, мы с горечью заметили, что все это следовало бы напечатать в книге или журнале — учебном пособии для руководителей молений. «Нам остается только жалеть, — сказал я, — что в религиозном объединении „Ошмарий-Чимарий“ не предпринимается никаких усилий в этом направлении». «У них нет человека, способного выполнить это. Наши люди туда не пойдут, — сказал Таныгин. — Ведь они больше думают о политике». «Да, нам в политику незачем вмешиваться, — продолжил Борис Александрович. — В своих молитвах мы призываем Бога помочь правительству, главе государства беречь мир, спокойствие, защитить народ; просим, чтобы и Ельцину, и депутатам Бог дал здравомыслия, ума, терпения. А как же иначе, ведь вся наша жизнь зависит от спокойствия в стране», — заметил он. А. Н. Данилов начал было говорить, что за нынешнее правительство, президента не стоит молиться. Однако собеседники ему дружно возразили: «Мы же молимся не за отдельного человека, а за всю страну, за весь народ, которого представляет глава государства».

Очевидно, мы бы еще долго обсуждали проблемы марийской веры, но вошла супруга Михаила Егоровича и вежливо предложила лечь спать. Мы последовали ее совету.

Разбудили меня в три часа утра. Мои спутники были уже на ногах. Быстро одевшись, я побежал мыться в баню. Увидев мой бритвенный прибор, А. И. Таныгин сказал: «Мне пока нельзя бриться до наступления нового года, так как я был на крупном молении. Онаен, если принимал участие на общественном молении, должен строго следить за этим, иначе вся его молитва может не пойти на пользу».

После завтрака Михаил Егорович попросил меня сходить вместе с ним в местную пекарню за жертвенными хлебцами *шергинде*. На каждый жертвенный стол *шаге* перед священным деревом *онапу* выкладывались шергинде как особая святыня. Хлебцы по традиции в прошлом выпекались из пресного овсяного теста только незамужними, «чистыми» девушками. На круглых каравайчиках сверху тремя пальцами выщипывались по одному, в некоторых случаях по два, даже по три маленьких бугорочка *нер* (букв. нос). Местные пекари — женщины-марийки приготовили по 7 больших и более 40 маленьких шергинде, на которых выделялись по два углубления (вместо традиционных *нер*).

По пути в пекарню от М. Шиляева узнал, что в мольбище предполагалось устроить жертвоприношение при семи кострах *тулолмо* (место для костра) и были приготовлены семь шаге. Однако моления пройдут только перед шестью священными деревьями. Руководители моления не смогли прийти к единому мнению. Одни предлагали устроить специальное тулолмо в честь божества Пиямбар (Пророк), которому традиционно молились наравне с Курык Кугу Юмо (букв. Горное Великое Божество), иногда его называют Курык Кугыза (Старик Горы) или Кугурак (Старейшина). Многим онаенам казалось, что не следует выделять специальное тулолмо в честь подчиненного Кугураку божества. Они предлагали вместо этого организовать моление в честь бога Пуршо (Предопределитель, Создатель). Однако ни одна деревня не изъявила желания взять на себя ответственность за подготовку и проведение такого моления. Поэтому Пуршо решили прочитать молитву без принесения особой жертвы возле священного дерева Мэр Юмо, а божеству, предопределяющему судьбу сыновей Эрге Пуршо, прочитать молитву возле дерева Шочын Ава Юмо (Богиня Рождения).

К рассвету мы подъехали к д. Купран-Сола, расположенной в полукилометре от шоссе на дороге Сернур — Йошкар-Ола. Наши надежды увидеть людей, ведущих жертвуемого коня в сторону рощи, не оправдались. «Очевидно, только еще собираются», — предположил Михаил Егорович. Мы решили подождать их возле мольбища. Свернув от шоссе на дорогу направо и проехав примерно два километра, мы оказались возле знаменитого *кусто* (мольбище).

По своей величине оно значительно превышало обычные священные рощи, располагающиеся, как правило, на возвышенных местах посреди полей. Издали они кажутся зелеными островами. С возвышенности можно увидеть несколько десятков таких рощ. Купрансолинская роща была окружена со всех сторон оврагами, заросшими деревьями и кустарниками. На южном склоне выделялась большая зеленая лужайка. «Вот бы здесь проводить большие народные торжества», — с восхищением произнес М. Шиляев. «Не сохранился ли тот родник, который появился в 1828 г.?» — спросил я. Шиляев сказал, что местные жители не помнят о роднике. На предполагаемом месте им удалось обнаружить маленький источник воды. Там сейчас установлен сруб.

По традиции в день жертвоприношения полагалось в первую очередь вводить в рощу жертвуемых животных. Поэтому мы не стали осматривать подготовленные шаге и тулолмо, а ожидали прихода основной массы верующих.

В шестом часу начали прибывать первые женщины. Каждая несла в руках гуся или утку. Те, которых привозили на машинах или мотоциклах, имели завернутые в полотенца шергинде, а у некоторых были даже блины, испеченные буквально перед выездом в рощу. Узнав, что до сих пор не привели жертвенных животных, женщины тоже не стали заходить в рощу.

Но вот на грузовой машине подъехал один из руководителей моления — Иван Николаевич Мамаев, очень вежливый, глубоко верующий человек. Ему, как наиболее уважаемому в округе человеку, поручили молиться Богине Рождения. Радостно поприветствовав нас, Мамаев велел шоферу заехать в рощу.

Стало ясно, что торжественного введения в рощу жертвуемых животных, как это было в прошлом, не будет. Через несколько минут подъехали жители д. Купран-Сола. Спешно выгрузив ведра, тазы, деревянную культовую утварь, гусей, уток, они направились в рощу. Мне удалось узнать у них, что скоро приведут и жертвуемого коня. Молодые парни долго не могли войти и зауздать необъезженного жеребца, отчего и произошло некоторое запоздание.

Тем временем на тракторах подвезли воду. Привезли колхозного бычка. В рощу стали заезжать машины с водой, жертвуемыми животными. Тихая роща буквально ожила.

В нескольких метрах от входа (в рощу заходили с западной стороны) находилось тулолмо, посвященное божеству Курык Кугыза (Старик Горы). В 1828 г. ему не была принесена особая жертва, поскольку это божество считалось «низшим». В настоящее время все крупные моления в северо-восточных районах Республики Марий Эл начинаются с жертвы этому божеству. Так же как и святые у христиан, Старик Горы выступает посредником между людьми и божествами. Верят, что он способен расположить небесных богов «с благодарностью» принять дар людей.

С северной стороны почитаемой липы был устроен жертвенный стол из жердей, уложенных на поперечные палки. Ножками стола служили забитые в землю кольца, высотой примерно 1 м. Жерди обычно укладывались так, чтобы их основания были ориентированы на восход солнца (здесь это условие не было учтено). Шаге сверху покрывался еловыми ветками.

Севернее, в нескольких метрах от жертвенного стола было устроено тулолмо. В прежние времена для подвешивания котлов устраивались «козлы» из вбитых в землю двух колец с перекладиной. Здесь же были вертикально вкопаны в землю толстые бревна с развилкой, на которых уложили перекладину. На земле с обеих сторон будущего костра лежали толстые длинные бревна.

Недалеко от костра был установлен столб для привязывания жертвенного животного. С северной стороны от костра располагались скамейки из досок. Но прибывшие не стали садиться на них, а уложили туда свои вещи.

Возле тулолмо Курык Кугыза собрались жители деревень Шургыял и Пекул. Молодые люди быстро разогли костер, подвесили на перекладину котлы. Мужчины привязали быка к столбу. Онаен и его помощник поставили на жертвенный стол кашу в мисочке (ее принесли с собой из деревни), посуду с домашним квасом, жертвенные хлебцы, выложили свечи. Онаен обратился с традиционной молитвой к Курык Кугыза, известив бога о намерении марийцев провести все-марийское моление, зажег свечу и прикрепил ее к краю посуды. И моление началось. Люди тут же встали на колени, жадно вслушиваясь в слова священной молитвы.

Возле других священных костров также шла подготовка к обряду. Южнее от описанного тулолмо находился жертвенный стол, по поводу которого руководители моления не пришли к согласию и он долгое время оставался без внимания верующих. Далее в нескольких метрах юго-восточнее (рис. 1) от этого шаге были обозначены места для моления Богине Земли и Богу Неистощимости и Прибыли (Перке Юмо). В центральной части находилось священное дерево «Мэр Юмо», правее от него было определено место для моления Богине Рождения. Южнее этих священных деревьев располагался молитвенный участок, посвященный Главному Всемирному Богу Тун Туня Юмо. Возле высокой липы был устроен жертвенный стол, на перекладине подвешены большие котлы. Люди ждали прихода главного онаена — одного из активных участников религиозного объединения «Ошмарий-Чимарий» Алексея Ивановича Якимова.

Наконец, появился и он, одетый в белый с национальными узорами кафтан,

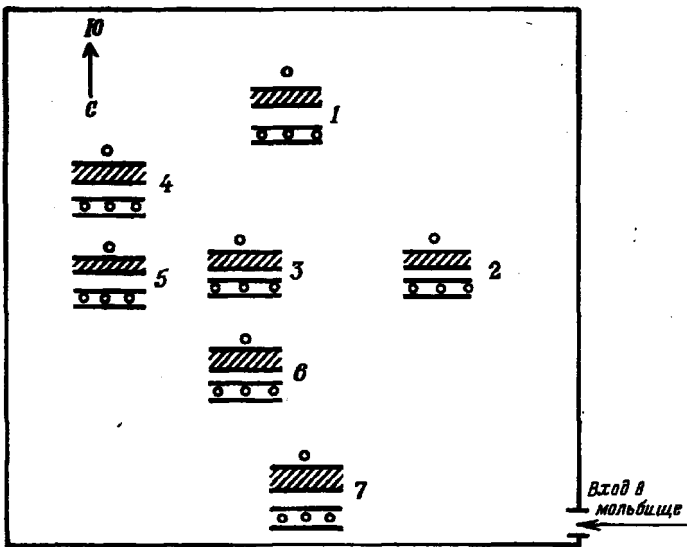

Рис. 1. Схема расположения моли́твенных мест: 1 — место поклонения Богу Тун Туня Юмо; 2 — место мблнения Шочын Ава Юмо; 3 — место моления Мэр Юмо; 4 — место моления Перке Юмо; 5 — место моления Мланде Ава Юмо; 6 — свободное моли́твенное место; 7 — место моления Курык Кугыза. Кружок обозначает священное дерево (*онапу*); вертикально наклоненные линии — жертвенный стол (*шаге*); кружки в горизонтальных линиях — место для костра (*ту-ломо*)

держа в руке полотенце с непочатым караваем хлеба. На голове красовалась белая войлочная шляпа. За ним двое парней вели гнедого жеребца. Парням было нелегко удерживать коня. Чтобы сохранять подобающее расстояние от жеребца, Алексею Ивановичу приходилось шагать довольно быстро.

К этому времени возле священного костра в честь Курык Кугыза прошли испытания жертвенного быка. Обычно перед тем как резать жертвенное животное, его очищают огнем: горячей головешкой касаются головы, спинного хребта и основания хвоста, а затем поливают водой. Поливая водой из ковша через еловую веточку, молящиеся просят Бога принять жертву, очистив ее от земной нечистоты. Затем ждут, когда жертва встрепенется — это принимается за знак богоугодности животного.

Привязав коня к близко стоящей молодой липе, парни отошли в сторону. Алексей Иванович неспешно вытащил свечи, прочитал про себя молитву, зажег свечу. Надо отметить, что в таком крупном молении А. Якимов участвовал впервые как главный онаен. Видно было, что многие священнодействия он совершал не совсем уверенно. Так, после зажигания свечи полагалось «очистить» дымом горячей головешки место моления, а его помощник в это время должен был 3 раза ударить кончиком ножа по топору, что означало изгнание сил зла с места моления огнем и звоном металла. Однако эти обряды остались не выполненными. Не было слышно и призывных слов молитвы. В отличие от других онаенов, во всеуслышание читающих марийскую молитву, Алексей Иванович Якимов предпочитал молиться полупшепотом.

Аналогичные действия происходили и возле онапу, посвященных богам Мэр Юмо и Шочын Ава. А. И. Таныгин был доволен: жертвенный бычок встрепенулся после третьего обливания водой. Зарезали и овечку, посвященную Богине Рождения. Через некоторое время подъехали жители д. Мари-Сола (с овечкой) и зажгли костер в честь Матери Земли, а урмыжские крестьяне начали молиться Перке (жертвенное животное — бычок).

Руководителям моления то и дело приходилось подсказывать молодым пар-

ням, разделяющим тушу, порядок церемонии: здесь следовало проявить осторожность. Наиболее важные части жертвы, символизирующие жизненные начала, обвязывались лыком, чтобы после того, как их сварят, взять от них маленькие кусочки и принести в жертву с особыми молитвами.

Помимо этого онаену предстояло читать молитвы в честь тех, кто добровольно принес в жертву гуся или утку. Таковых возле каждого священного дерева набралось несколько десятков. Выстроившись по привычке в очередь, они обращались со своими просьбами и жалобами к онаену и просили прочитать подобающую молитву.

По традиции это полагалось делать спокойно, прочитав в честь каждого человека особую молитву. Остальные присутствующие в это время должны были сидеть на коленях и поддерживать просьбу молящегося поклонами и восклицаниями «аминь» (да будет так). Однако в данной ситуации было сделано иначе: молитвы читались за пятерых человек одновременно, присутствующие ждали конца молитвы стоя.

Вслушиваясь в просьбы верующих, принесших своих гусей и уток в жертву Богине Рождения, я невольно поразился тому, как они воспринимали роль и назначение божества. Обобщая просьбы, можно сказать, что Богиня Рождения в глазах верующих выступала олицетворением животворящего, стабилизирующего и объединяющего начала, хранительницей семьи, защитницей всего живого, гарантом стабильности, здоровья и благополучия, основой нравственности.

Между верующими, жертвующими Мэр Юмо, чаще слышались просьбы о помощи детям, служащим в армии, о благополучии в хозяйственных делах, улучшении семейных отношений, нормализации общественной жизни.

Примерно к 11-ти часам приехали представители марийской интеллигенции из Йошкар-Олы, многочисленные фотографы, гости из Моркинского, Советского, Маритурекского, Параньгинского районов республики, а также чуваша из г. Чебоксары (заместитель председателя Чувашского национального конгресса и чувашский эльмен, т. е. руководитель моления третьего ранга, Ешентей), представители из Удмуртии. В беседе с гостями из Моркинского района я узнал, что такое же моление они хотят провести у себя, однако старые традиции у них забыты. Поэтому здесь они хотели бы узнать некоторые подробности обряда жертвоприношений. Чувашский эльмен, одевшись в традиционную национальную одежду, прочитал молитву перед главным священным деревом на своем языке. Собравшиеся (к тому времени их набралось примерно 1,5 тыс. чел.) с пониманием и уважением отнеслись к гостям, при этом, очевидно, почувствовали гордость за своих предков и богов, сумевших защитить народ от потери своей веры.

А моление тем временем шло своим чередом. Жертвователи опцпали перья, выпотрошили и сложили в котлы своих гусей и уток, помолились перед священными деревьями, вывесили на жерди специально принесенные по этому случаю платки и полотенца, а некоторые ограничились свечами, которые вместе с деньгами (обязательная жертва всех присутствующих) выкладывались на жертвенный столик. Женщины из близлежащих деревень посчитали долгом принести жертвенные хлебцы, сложенные в тарелки блины и домашние белые сырки (рис. 2, 3).

Руководители моления, прочитав специальную молитву, вылили в огонь первые капли жертвенной крови, взятые в чашечку в момент перерезания горла животного. С молитвой были сожжены и шкуры принесенных в жертву домашних животных, перья и пух птиц.

После полудня парни, помогавшие организаторам моления, стали снимать с костров котлы и, установив их на специально постланные еловые ветки (на голую землю ставить не разрешается), начали отделять мясо от костей. Старики помогали онаенам выбирать кусочки жертвы, предназначенные для моления. Отрезая кусочки наиболее важных частей жертвы, руководители моления укладывали их кучками, чтобы потом с молитвами сжечь на костре. Такое сжигание считалось верным средством передачи жизненных сил жертвы богам, так как духи огня Тул

Рис. 2. Начало моления

Рис. 3. Вывешивание жертвенных платков и полотенец на дереве

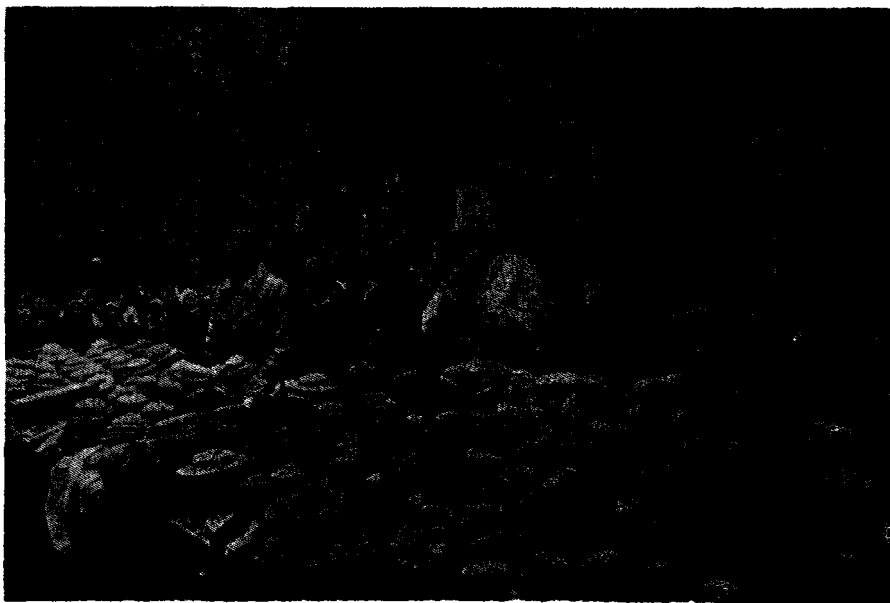

Рис. 4. Руководители моления у стола с жертвенными хлебцами и блинами

Ава (Мать Огня) и Тул Водыж (Дух Огня) имеют возможность «своими языками и длинным дымом» доставить богам назначенную им жертву (рис. 4).

Завершив эту довольно кропотливую работу, остатки мяса снова сложили в котел, чтобы сварить наваристый бульон *лем*, а кости сожгли в огне. Затем повесили котлы для варки каши из овсяной крупы. По просьбе стариков, женщины собрали остатки пуха, накопившийся мусор.

Обходя молящихся, я обратил внимание на то, как оставленное без внимания «ничейное» шаге постепенно стало заполняться жертвенными хлебцами, свечами, появились там и деньги, пожертвованные собравшимися. Попытался узнать, кому же молятся здесь. Одна из женщин высказала мнение, что здесь молятся Ош Кече Юмо (Божество Белого Солнца). Ее мнение поддержали и другие женщины, хотя и видели, что на этом месте нет руководителей моления.

К трем часам дня были завершены основные приготовления к заключительному молению. Жертвенные столы буквально ломились от принесенных хлебцев, блинов, было собрано много свечей, пожертвовано достаточное количество денег. За учет и хранение денег отвечала староста д. Купран-Сола. Организаторы моления беспокоились, удастся ли собрать столько денег, чтобы рассчитаться с коллективно-долевыми хозяйствами (так сейчас называются бывшие колхозы и совхозы) за выделенный скот. Руководители организаций, сочувствуя бедности сельчан, постарались снизить стоимость животных, тем не менее только за жеребца, например, следовало заплатить 1,2 млн. руб. Поэтому староста старалась взять под свой контроль все пожертвованные деньги. Из-за этого между нею и онаеном, читавшим молитву Перке Юмо, возникло недоразумение, свидетелем которого оказался я. Онаен был недоволен тем, что староста деревни забрала деньги с жертвенного стола до их молитвенного освящения, выразив тем самым недоверие ему.

Подобный инцидент свидетельствует о том, что нынешние руководители моления не знакомы с традиционными нормами поведения в священной роще. Некоторые из них пришли на моление в повседневных куртках. Нельзя сбрасывать со счетов и все более заметное обеднение людей.

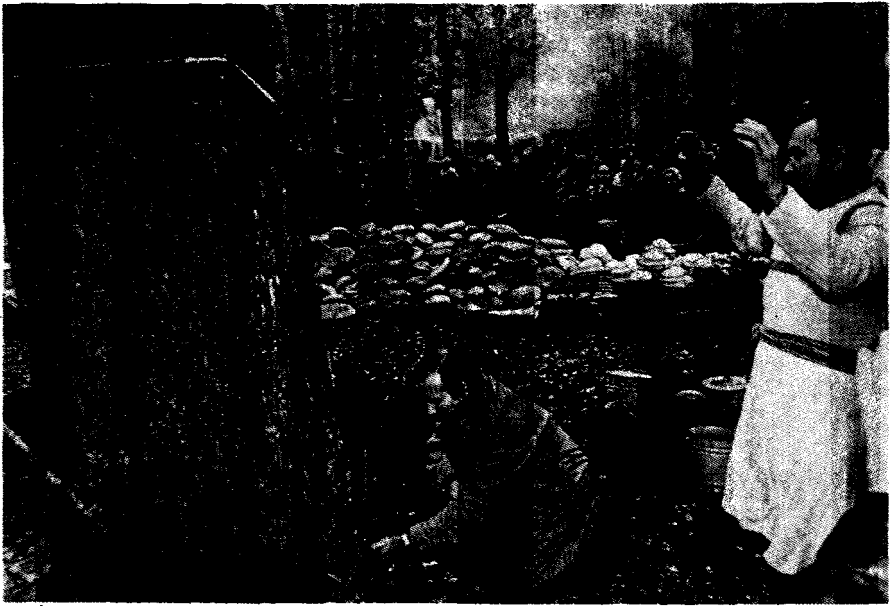

Рис. 5. Зажжение свечей (молится чувашский эльмен)

Заключительное моление началось возле главного священного дерева. У его основания горели многочисленные свечи. Обращаясь к богам, руководители молений призывали защитить народ от бед и несчастий, даровать людям здоровье, счастье и благополучие, прибыль в домашнем хозяйстве, мир и спокойствие в стране. Бросая частицы жертвенного животного в горящий огонь, люди просили малое добро обратить в большое, искоренить зло, обеспечить нормальную жизнь на земле. Слушая хорошо известные слова молитвы, я невольно подумал, как глубоко в людях стремление к добру: не ради ли него они жертвовали жизнью многочисленных животных и птиц? (рис. 5)

Большое количество молящихся собралось на молении возле шаге в честь Мэр Юмо. А. И. Таныгин мастерским чтением молитвы покори́л сердца присутствующих. Под стать ему был и гость из Свердловской области Б. А. Александров, который гармонично вписался в общее моление не только своей одеждой, манерой молиться, но и сердечной добротой, умением вызвать у людей соответствующий обычая душевный настрой.

Некоторое огорчение верующих вызывали местные фотокорреспонденты, которые бесцеремонно вторгались в ряды верующих, иногда становились прямо у священного дерева напротив читающего молитву онаена. А. И. Таныгин несколько раз прерывал моление, призывал их соблюдать порядок и приличие.

Примечательной особенностью моления возле дерева, посвященного Мэр Юмо, явилось то, что свечи зажигались не по одной, как это было возле других почитаемых деревьев, а все вместе, слепленные в 3 больших свечи. «Мы же молимся об одном и том же, наши молитвы быстрее дойдут, если сумеем объединить наши просьбы», — считал А. И. Таныгин. Такое отношение к свечам у торъяльских марийцев выработалось давно. Принцип «жить как все, молиться как один» — давно известен марийцам, однако соблюдать его становится все труднее.

На всемарийских молениях в 1920-ые годы у каждого шаге совершали всенародные 3 поклона, в итоге всем 7-и наиболее почитаемым богам совершали 21 земной поклон. На описываемом молении этого не было сделано. Участники

обряда, выслушав заключительную молитву возле выбранного им шаге, поблагодарили онаена пожатием руки за прочитанную молитву и начали вкушать жертвенную пищу. С удовольствием поел *лем* и кашу и я.

После того, как большая часть людей разъехалась, руководители моления в присутствии помогавших им молодых людей прочитали благодарственную молитву, произнесли магическое заклинание с целью защиты священного места от осквернений, злых людей, животных и троекратно обошли вокруг онапу. Считалось, что таким образом воздвигается невидимый железный забор (куртноь пече). Парни подмели и бросили в огонь остатки мусора, разобрали и сожгли жертвенный стол, столбы для подвешивания котлов. Затем погрузили в машины котлы, жертвенную утварь, оставшихся несваренными потрошенных гусей и уток²², аккуратно сложили жертвенные платки и полотенца (их раздадут сельчанам в качестве компенсации за материальные затраты, связанные с жертвоприношением). Наконец, тронулась последняя машина и роща опустела. Надолго ли?

* * *

В последнее время в периодической печати появилось немало публикаций, посвященных характеристике начавшегося процесса возрождения традиционных верований и культов марийцев. Отдельные авторы называют их «единственным в Европе языческим народом». Очевидно, это не совсем так, поскольку среди марийцев имеется немало приверженцев православия.

Наши материалы показывают, что марийцы благосклонно относятся к возрождению исконных традиций. Рядовые приверженцы традиционных культов пока не проявляют особой активности в проведении молений. В Сернурском районе живет около 28 тыс. чел., из них 74% — марийцы. На молении присутствовало только около 1,5 тыс. чел. Душевное состояние части присутствующих, мне кажется, можно охарактеризовать как полуверу или маловерие. Однако свои сомнения они пытаются преодолеть поисками Бога. Запомнился мне разговор с одним онаеном из Советского района. Хотя он неоднократно руководил молениями в своей деревне, однако его волновали такие вопросы: когда и как человек узнал о существовании Бога?; возможно ли человеку познать Божественное откровение?; почему у марийцев сохранилось почитание сил добра (небесных Богов) и духов, способных наслать болезни и смерть? В качестве примера он назвал дух Мланде Водыж (Дух Земли), у которого в подчинении находится дух смерти Азырен. Мланде Водыж и его подчиненным духам марийцы молятся при заболевании домашнего скота. «Отчего низшие духи или человеческое колдовство оказываются сильнее воли небесных Богов?» Содержание вопросов свидетельствует о глубоких сомнениях, духовных поисках человека, стремлении логически составить стройную картину видения мира, соединив человеческие, земные проблемы с божественным небесным миром, наполнить смыслом сегодняшнюю действительность.

Языческое будущее народа вызывает определенные сомнения. Многие люди в беседе со мной высказывали большую благодарность организаторам моления за то, что дали возможность ощутить себя человеком. «В наше трудное время, когда кругом убивают, воруют, пьянствуют, а с экранов телевизора показывают низменные страсти, человеконенавистничество, жестокость, не лучше ли нам, собравшись в роще, вспомнить всем вместе наше человеческое, Богом определенное назначение, глотнуть свежего воздуха и забыть на время всю ту отвратительную жизнь, которой нам приходится жить?» — говорила мне знакомая женщина преклонных лет из д. Купран-Сола. Очевидно так думали многие пришедшие на моление люди. Очень жаль, что подобные рассуждения не нашли отражения в заключительных благодарственных обращениях марийских онаенов.

Примечания

- ¹ Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО). Ф. 237. Оп. 131. Д. 1283. Л. 33.
- ² Там же. Л. 38.
- ³ Там же. Л. 43.
- ⁴ Там же. Л. 44.
- ⁵ Там же. Л. 2.
- ⁶ Там же. Л. 81—82.
- ⁷ Российский государственный Исторический Архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 3. Д. 12654.
- Л. 12.
- ⁸ Там же. Л. 28.
- ⁹ Там же. Л. 43.
- ¹⁰ Там же. Л. 30.
- ¹¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 144. Д. 268. Л. 22.
- ¹² *Одоев А. По поводу языческих жертвоприношений у черемис-христиан // Вятские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). 1897. № 24. С. 1201.*
- ¹³ *Село Сернур Уржумского уезда // Вятские губернские ведомости. 1882. № 84. Часть неофициальная. С. 3.*
- ¹⁴ ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 382. Л. 20.
- ¹⁵ Там же. Л. 21.
- ¹⁶ *Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912. С. 563.*
- ¹⁷ *Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 590.*
- ¹⁸ *Центральный государственный архив Татарстана. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 5, 5 об.*
- ¹⁹ *Извлечения из дневника епархиального миссионера о черемисских языческих богомольях и сводных браках и мерах против оных // ВЕВ. 1898. № 7. С. 326—327.*
- ²⁰ *Кибардин Н. О причинах уклонения черемис от таинства Святого Причастия и о мерах к устраниению этих причин // ВЕВ. 1900. № 22. С. 1117.*
- ²¹ *С. А. С. Заметки по поводу статьи о Н. Кибардина «О причинах уклонения черемис от таинства Святого Причастия и о мерах к устраниению этих причин» // ВЕВ. 1901. № 3. С. 144.*
- ²² *Оставшиеся гуси и утки будут принесены в жертву через неделю во время благодарственного моления.*

At the Mari pagan prayer

The article deals with the tendency for revival of the ancient Mari religion; the author describes the ritual of horse sacrifice, which took place in 1995. This case reflects the growing interest of the Mari intelligentsia to the traditional culture and its role in the attempts to restore old beliefs and customs.

N. S. Popov